

Юлий Айхенвальд

Некрасов

Юлий Исаевич Айхенвальд
Некрасов
Серия «Силуэты русских
писателей», книга 22

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2594635

Аннотация

«Он страдал от себя, болел собою. Его лирические строфы показывают, как ужас самопрезрения проникал в его душу, как изнывал писатель в неисцелимой тоске и, словно ребенок, ждал и жаждал спасения от матери, со стороны. «Выводи на дорогу тернистую!..» Но, разумеется, на тернистую дорогу не выводят, а выходят. И со стороны не могло явиться того, чего не было в сердце и воле самого поэта, так что до конца дней своих томился Некрасов от горькой неудовлетворенности, от того, что он не мог прямо и смело смотреть в глаза своей взыскательной совести и в жизненной вялой дремоте «заспал» свою душу...»

Юлий Исаевич Айхенвальд

Некрасов

При разборе поэзии Некрасова часто говорят о нем как о человеке и выносят ему суровый приговор, – правда, не суровее того, каким он осудил себя сам:

Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу.

Мы же не будем касаться его личности, потому что она умерла и в русском обществе живут не его пороки и недостатки, а его стихотворения. Однако и не выходя за пределы последних, слишком легко заметить, что он явственно и болезненно видел ту пропасть, которая отделяла его идеалы и мечты от его действительности. Может быть, это и придавало многим его стихам оттенок искренней меланхолии, благородной печали. Он не скрыл в своих произведениях, что его глодала тяжкая болезнь: он не уважал самого себя. Он страдал от себя, болел собою. Его лирические строфы показывают, как ужас самопрезрения проникал в его душу, как изнывал писатель в неисцелимой тоске и, словно ребенок, ждал и жаждал спасения от матери, со стороны. «Выводи на дорогу тернистую!..» Но, разумеется, на тернистую дорогу не выводят, а выходят. И со стороны не могло явиться того, чего не было в сердце и воле самого поэта, так что до конца

дней своих томился Некрасов от горькой неудовлетворенности, от того, что он не мог прямо и смело смотреть в глаза своей взыскательной совести и в жизненной вялой дремоте «заспал» свою душу. Он не взошел на вершину собственных требований и погрязал внизу, в житейской тине, полный отчаяния, слез и стыда. Он, по своему выражению, остывал, черствел с каждым годом; «хорошо умереть молодым», но Некрасов пережил свою моральную молодость. Правда, он хранил поблекшие цветы с ее могилы и хотел спастись этим советом:

А станешь стареться, нарви
Цветов, растущих на могилах,
И ими сердце обнови.

Но одними могилами жить нельзя, сердцу нет обновления, и «бог старости, неумолимый бог» старости не столько физической, сколько нравственной, все более и более осыпал его голову сединой, делал его больным и угрюмым, покрывал его когда-то пламенную душу серым пеплом безразличия. Сама муза отвернулась от него, и, поэт, он пережил высшее горе поэта – музу неблагоклонную, музу разлюбившую:

И муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.

.....

Жизнью измят я... и скоро я сгину...

.....

И про убитую музу мою

Я похоронные песни пою.

Что же, разве Некрасов представляет в этом смысле какое-нибудь разительное исключение, разве только ему одному присуще это одеревенение, эти медленные и длительные похороны самого себя, когда «каждый день» становится «убийцей какой-нибудь мечты»? Разве не все мы делаемся менее и менее впечатлительны к добру и злу и у многих ли душа не превратилась в равнодушие? Наконец, разве он не мог найти себе оправдания и облегчения в словах великого Пушкина, что вне минут художественного творчества поэт ничтожнее всех детей мира?

На это надо сказать, что, действительно, Некрасов несколько не был хуже других, и этот каявшийся преступник, поэт покаяния, этот страстный поклонник дяди Власа с его веригами если и не мог оправдаться на внутреннем Страшном суде, перед самим собою, то уже наверное имел право смотреть в глаза «нам, другим». Если укоризненно взирали на него со стен чужие портреты, то это были скорее не лица, а «темные лики святителей»; это были страстотерпцы, «друзья народа и свободы», люди декабристского типа, – они, конечно, но только они были вправе посылать ему укоры, на которые он и отвечал раскаянием своей уступившей души. При суждении о Некрасове и в особенности при его осужде-

нии надо помнить, что если он пал, то ведь под великой же тяжестью; если он оказался малым, то ведь это сравнительно с таким величием, которому на его месте не удовлетворил бы и никто другой. Он не осуществил своего подвига, но подвиг-то взял на себя геркулесов. Именно – взял на себя, добровольно, не по чужому требованию; он сам возложил на свои плечи бремена неудобноносимые – и вот не выдержал, надорвался, как его герой, каменщик Трофим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.